

В. Э. Молодяков

В статье рассматривается образ Японии в творчестве французского писателя Клода Фаррера (1876–1957), известного как автор «колониальных» и «экзотических» романов о «Востоке», от Турции до Японии. Основным предметом анализа являются столкновение Востока и Запада, конфликт старого и нового, описанные в романе «Битва» о русско-японской войне, и «японофильская» публицистика 1930-х годов, в которой Фаррер одобрял колониальную и экспансионистскую политику Японии в Азии.

Ключевые слова: Япония, Китай, война, модернизация, колонизация, экспансия.

Отражение Японии в творчестве русских и европейских писателей и публицистов XIX–XX веков заслуженно привлекает внимание исследователей, поскольку «если посмотреть на дело с точки зрения макрокультурной, то столкновение Японии и Запада было подобно встрече разнотемпературных морских течений, когда в зоне контакта создаются благоприятные условия для роста культурной биомассы»¹.

В одних случаях главная причина внимания к «жапонескам» коренится в личности автора – если речь идет о выдающемся художнике, каждое произведение которого ценно, даже если изображение Японии в нем не выходит за рамки шаблонных представлений эпохи. В других случаях важен сам текст, автор которого может быть забыт или находиться на периферии читательского сознания, – если произведение содержит важный материал для исследователя или имело большой резонанс и оказало воздействие на современников, в том числе на восприятие Японии.

«Идеальным» случаем является произведение выдающегося автора, сохраняющее художественную и историческую ценность, как «японские» главы «Фрегата “Паллада”» Гончарова или «Корни японского солнца» Пильняка. Очерки о Японии Киплинга и Бальмонта – пример того, когда личность и взгляд автора интереснее содержания текста. Напротив, записки «В дальних водах и странах» Всеволода Крестовского, написанные автором «Петербургских трущоб», привлекают внимание прежде всего содержанием, а не тем, как в них отразилась художественная индивидуальность писателя. Наконец, «Осенние японески» и «Госпожа Хризантема» Пьера Лоти, едва ли обладающие вы-

¹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. С. 7.

дающимися литературными или историческими достоинствами, оказали сильное влияние на восприятие Японии в Европе конца XIX и начала XX вв. и потому по праву стали предметом изучения². Современный читательский интерес к Лоти во многом основан на этих книгах.

Произведения, пожалуй, всех значительных русских, европейских и американских писателей о Японии – по крайней мере до середины XX в. – можно считать изученными, будь то в контексте их биографии или «образа Японии» в целом, хотя историку всегда найдется чем заняться. С течением времени границы поиска расширяются, охватывая менее известные или считающиеся менее значительными фигуры. Но тут нас поджидает опасность впасть в антиисторизм, поскольку современное восприятие «масштаба» того или иного произведения и его автора может радикально отличаться от синхронного.

Литературную судьбу Клода Фаррера (настоящее имя и фамилия: Фредерик-Шарль Баргон; 1876–1957) трудно назвать несчастливой. Уже первый сборник рассказов «В чаду опиума» (1904) принес ему известность, первый роман «Носители культуры» (1905) – Гонкуровскую премию, что считалось хорошим стартом – хотя и не гарантией – успешной писательской карьеры. Писавший для «широкого читателя», он не претендовал на репутацию и лавры Марселя Пруста или Андре Жида и не был удостоен Нобелевской премии (не знаю, выдвигался ли). Предельно мечтаний большинства французских литераторов было кресло одного из сорока «бессмертных». После неудачных попыток 1927 и 1928 гг. Фаррер в 1935 г. был избран во Французскую академию, опередив Поля Клоделя – признанного поэта и бывшего посла в Токио и Вашингтоне; Франсуа Мориак назвал этот выбор самым скандальным за всю историю Академии.

Одаренный и трудолюбивый профессионал пера, Фаррер за полвека опубликовал более 80 книг, не считая многочисленных переизданий, и написал предисловия к примерно такому же количеству сочинений других авторов – показатель прижизненной известности и авторитета. Несколько наиболее популярных его романов до конца 1970-х годов выходили в массовой серии «Livres de poche», но затем переиздания прекратились. Единственная биография писателя появилась через 32 года после его смерти под заголовком «Случай Фаррера. От Гонкуров до забвения»³. Однако три его самых известных «восточных» романа вошли в большие тематические антологии, что, впрочем, подчеркивает их прежде всего исторический интерес для современного читателя⁴.

² Funaoka S. Pierre Loti et l'Extrême-Orient. Tokyo: France-Tosho, 1988.

³ Quella-Villegier A. Le Cas Farrère: du Goncourt à la Disgrace. Paris: Presses de la Renaissance, 1989.

⁴ «Носители культуры» (1905) в антологии «Индокитай – греза Азии» (Indochine – Un rêve d'Asie. Paris: Omnibus, 1995); «Человек, который убил» (1907) в антологии «Стамбул – грезы

Несмотря на популярность на родине, Фаррера сравнительно мало переводили. Наибольшее число переводов приходится на русский язык: более двух десятков отдельных изданий, включая основные романы, в период с 1909 г., всего через пять лет после дебюта, и до конца 1920-х годов, когда его объявили «реакционным» и «бульварным»; переиздания появились только в начале 1990-х годов, но интереса не вызвали. Громкая «русская слава» Фаррера – обойденная вниманием его биографа! – еще одна причина нашего внимания.

Наибольшую известность писателю принесли романы и путевые заметки о «Востоке», понимаемом очень широко – от Турции до Японии. Признанный мастер «колониального» и «экзотического» романа, восхищавшийся Кипплингом, Фаррер был одним из самых последовательных туркофилов и японофилов Франции с конца 1900-х годов до Второй мировой войны. В этом отношении он подхватил эстафету Лоти – «в миру» офицера флота по имени Жюльен Вио, – которого высоко ценил как писателя, хотя не был его учеником или подражателем, и под командованием которого одно время служил во флоте. Написанное Фаррером о Японии достойно изучения, хотя об этом существует всего одна статья на французском языке⁵; на русском языке есть лишь отдельные упоминания о романе «Битва», в том числе в работах автора этих строк.

Корни японофильства Фаррера надо искать в его происхождении и юных годах, когда он звался Шарль-Эдуар Баргон (позже даже друзья юности называли его «Клод», хотя он не сделал литературное имя «паспортным»). Детство будущего романиста, родившегося 27 апреля 1876 г. в Лионе в семье полковника морской пехоты, пришлось на пик активности колониальной политики Третьей Республики и одновременно на пик «жапонизма», покорившего Францию в 1870-е годы. «Из раннего детства отлично помню, – рассказывал Фаррер в 1923 г. в лекциях, послуживших основой книги «Прогулка по Дальнему Востоку» (1924), – как на каминной полке в нашем доме стояли две расписные вазы – одна из прекрасного зеленого фарфора, другая из столь же прекрасного позолоченного, обе с большим количеством фигур. На одной были изображены китайцы, на другой японцы. Вот что стало первоосновой моих знаний о Китае и Японии. В детстве Китай, Кокхинкина (современный Вьетнам – В. М.) и Япония казались мне краем света. Когда отец, который бывал там, рассказывал мне о них, я воображал нечто, находящееся за горизонтом, бесконечно далекое, бесконечно таинст-

Босфора» (Istanbul – Reves de Bosphore. Paris: Omnibus, 2001); «Битва» (1909) в антологии «1905. Вокруг Цусимы» (1905. Autour de Tsoushima. Paris: Omnibus, 2005).

⁵ Beillevaire P. Apres “La Bataille”: l’égarement japonophile de Claude Farrere // Les carnets de l’exotisme. Faits et imaginaires de la guerre russo-japonaise (1904–1905). Paris: Kailash, 2005. P. 223–246.

венное и бесконечно отличающееся от всего, что я знал, от всего, что знали мы, бедные и скучные жители Европы»⁶.

Баргон-старший мечтал стать моряком, но не смог. Сын воплотил его мечту и в 18 лет поступил в военно-морскую академию в Бресте, где подружился с однокашником – японским аристократом Мацуи Дзиндзабуро (идентифицировать его пока не удалось). Первый год обучения совпал с началом японо-китайской войны, в которой европейские аналитики – политические и военные – предсказывало победу Китаю, поскольку Япония оставалась «неизвестной величиной». Франция не считалась союзницей Японии (хотя продавала ей военные корабли), но симпатии кадета Баргона были на стороне Страны корня солнца, «тактика и энергия которой принесли победу» (MV. Р. 278). В 1897 г. он впервые выступил как журналист, пишущий на флотские темы, затем как автор путевых очерков. Офицеры на действительной службе могли печататься только с разрешения начальства (наиболее строгое прочтение инструкции распространяло это правило на публикации под псевдонимом), поэтому Баргон подписался «Пьер Тулвен». От этого имени он отказался ради «Клода Фаррера», лишь сделав окончательный выбор в пользу литературы. Некоторые считали интерес беллетриста Фаррера к политике – чем он принципиально отличался от эстета Лоти! – дилетантским и случайным, но это неверно. Офицер Баргон, неотделимый от своей писательской ипостаси, интересовался политикой профессионально и не боялся высказывать свое мнение, даже если оно шло вразрез с позицией командования и министерства.

Прослужив во флоте более 20 лет, Фаррер немало путешествовал по Тихому и Индийскому океанам и сразу попал под обаяние Дальнего Востока, в восприятии которого увиденное своими глазами переплелось с романами Лоти. Первое посещение Японии – Нагасаки и его окрестностей в течение всего трех дней, между 13 и 18 сентября 1899 г., – произвело на него впечатление «земли обетованной». «Город мадам Баттерфляй» описан Лоти в «Госпоже Хризантеме» по свежим впечатлениям. Фаррер изобразил его в романе «Битва» (написан с 20 октября 1907 г. по 12 сентября 1908 г.; газетная публикация в ноябре 1908 г.; отдельное издание в феврале 1909 г.; окончательное, исправленное издание в мае 1911 г.)⁷, взяв большинство деталей «из третьих рук» и

⁶ Claude Farrère. Mes voyages. I. La promenade d'Extrême-Orient. Paris: Flammarion, 1924. Р. 195–196. Далее сокращенно: MV – с указанием страницы в тексте. При написании статьи у меня не было русского издания (Л., 1925), поэтому привожу все цитаты в собственном переводе.

⁷ Имеются два русских перевода (под заглавиями «Битва» и «Душа Востока»), выдержавшие по два издания. Я использовал второе издание перевода, который сделал литератор символистского круга А. Г. Койранский, выпущенное без указания фамилии переводчика-эмигранта: Фаррер К. Душа Востока. Роман. Перевод А. К. М.: Пучина, 1924. Далее цит. по этому изданию сокращенно: ДВ – с указанием страницы в тексте.

многое придумав. «Браться за роман из японской жизни было рискованным предприятием, – заметил биограф, – если знать только красоту долины Сува, несколько историй и народных преданий да то, о чем успел поведать «жапонизм» конца прошлого века»⁸.

«Экзотизм рифмуется с эротизмом»⁹, но в «Битве», в отличие от большинства сочинений Фаррера, любовная интрига занимает второстепенное место и введена как будто лишь для того, чтобы не разочаровать читателя. Роман прославился не столько картинами Японии, сколько художественно ярким и профессионально точным изображением морского боя эпохи броненосцев и крейсеров, первым во французской прозе. «В романе битва идет повсюду, – отметил биограф, – в жестах и сердцах, между европейцами, между мужчинами и женщинами, человека с морем»¹⁰.

Главная тема – столкновение Востока и Запада, традиционного и современного, но в изображении Фаррера нет примитивного дуализма. «Кто говорит – русский, говорит – азиат. А мы вскоре станем европейцами, – заявляет, обращаясь к англичанину и французам незадолго до Цусимского сражения, офицер японского флота маркиз Ёрисака (в старом переводе: Иорисака) Садао. – Победа наша принадлежит вам столько же, сколько и нам, потому что это победа Европы над Азией» (ДВ. С. 20). «Мы совсем, совсем европейцы, мой муж и я» (ДВ. С. 12), – убеждает их его жена Мицуко, чей будуар обставлен по последней парижской моде и которая отказывается позировать французскому художнику в кимоно – к его великому огорчению.

«Вам, милостивые государи, мы обязаны прогрессом, которым наслаждаемся теперь, – говорит европеизированный аристократ Ёрисака. – Мы не забудем, сколько терпения и снисходительности вы затратили на эту трудную роль воспитателей. Воспитанник был очень отсталый, и ум его, застывший в стольких веках рутины, лишь с трудом усваивал западное обучение»¹¹. Но ваши уроки принесли плоды. И, быть может, наступит день, когда Япония, действительно цивилизованная, сделает честь своим учителям» (ДВ. С. 19). Родовитые Ёрисака даже как будто стыдятся семейных и национальных корней и готовы отказаться от них. Их резко осуждает китайский сановник Чеу Пе-и, традиционалист до мозга костей и друг французского художника: «Япония показала вам домашний очаг, откуда изгнан дух предков: кров, под которым десять

⁸ Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 74.

⁹ Там же. P. 101.

¹⁰ Там же. P. 75.

¹¹ Ср.: «Как и человек, который неожиданно попадает из темной пещеры на яркий солнечный свет, Япония на время потеряла ориентацию, растерялась, ею овладел комплекс неполноценности. На какое-то время обитатели архипелага стали думать, что в их стране нет ничего достойного похвалы. Но они не стали сидеть сложа руки, а стали учиться»: Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. С. 7.

тысяч безрассудных новшеств заняли место традиций и угрожают гармоническому будущему семьи и расы» (ДВ. С. 37).

В отличие от авторов более примитивных «колониальных романов», Фаррер не считал европейскую цивилизацию единственной «цивилизацией», но и не идеализировал «благородных дикарей». Рисуя противостояние эпох и культур, он не стремился их противопоставлять, но искал гармонию. Супруги Ёрисака, принимая правила «цивилизованного мира», стыдятся прошлого своей страны как «отсталого», но гордятся ее «прогрессивным» настоящим и уверены в блистательном будущем. Маркиз Ёрисака такой же храбрый воин и пламенный патриот, как его сослуживец виконт Хирата Такамори – тоже сын даймё, но участвовавшего в восстании Сайго Такамори в 1877 г. Хирата «не знает ни английского, ни французского», но «это не мешает ему быть превосходным офицером, вполне ознакомленным с новейшими идеями войны. На борту «Никко» (корабля, на котором служат оба офицера, – В. М.) он заведует электрическими машинами, и немногие европейские инженеры могли бы его заменить» (ДВ. С. 79–80).

Отказ от традиций и «корней» не означает антипатриотизма, если помогает более эффективно служить стране и императору. Верность традициям не означает отказа от достижений современной науки и чужой цивилизации – ради служения стране и императору. Слепое копирование «импортных» обычаев и мод – при наличии собственной богатой истории и культуры – изображено с иронией, поскольку для автора традиционная Япония является не менее «цивилизованной», чем Франция. В этой «битве» Фаррер не принимает ничью сторону: в 1904 г. в Константинополе он дружески общался с русскими, но предсказывал победу Японии, поскольку для японских солдат это оборонительная война за свою страну, а для русских – колониальная война на чужой территории с непонятными целями. «Русские сражались хорошо, но японцы лучше», – таков вывод писателя (МВ. Р. 275–276). Сложность ситуации в «Битве» символически подчеркнута тем, что английский офицер Ферган, допущенный на японский корабль в качестве наблюдателя, является боевым товарищем и другом маркиза Ёрисака и... любовником его жены. Он изображен без намека на карикатурность, но симпатия к английским морякам не входила в число традиций французского флота.

Взяв несколько частных примеров и эпизодов, Фаррер показал сложность и многоаспектность модернизации Японии. «Момент истины» наступил после Цусимского сражения, во время которого погибли Ёрисака и Ферган. Хирата принял командование кораблем, заслужил благодарность командующего эскадрой, испытал упоение победой: «торжествующий крик Японии-победительницы, крик торжества древней Азии, навсегда освободившейся от европейского ига» (ДВ. С. 156). И совершил сэлпуку – потому что накануне битвы в разговоре с Ёрисака

«мой слабый ум заставил меня произнести разные слова, которые я теперь считаю несправедливыми» (ДВ. С. 160). О чем речь?

«Я ненавижу иностранцев всей силой моей ненависти, – признался Хирата. – Вы же, точно так же ненавидевший их некогда, теперь любите их. Не приняли ли вы мало помалу их нравы, их вкусы, их идеи, даже их язык, на котором вы беспрестанно говорите с этим английским шпионом, якобы нашим другом (Ферганом – В. М.)?» (ДВ. С. 139).

Ответ Ёрисака должен был поразить и собеседника, и читателя:

«Мое фальшивое лицо было только для европейцев. А вы обмануты им, вы, благородный японец! Виконт Хирата, ваши предки пали при Куамото (в 1877 г. – В. М.)... Но неужели не поняли вы, какой урок они дали нам своим поражением и смертью? Урок терпения и осторожности! Урок хитрости! Время сражений, выигранных одним только лезвием меча, прошло безвозвратно. Чтобы победить чужеземцев мы пошли оба в школу. Но то, чему учились мы там, было пустяком. К тому же и учились мы плохо. Наши японские мозги не усваивали европейское преподавание. И я быстро почувствовал необходимость приобрести европейский мозг, чего бы это нам ни стоило» (ДВ. С. 140).

Под конец убежденный Хирата задал последний вопрос: «Уверены ли вы, что мы будем, как вы утверждаете, победителями? А если мы будем побеждены, представляете ли вы себе прозвище, которое даст нам Европа за наше смешное и бесплодное подражание?

– Да, – ответил маркиз Иорисака. – Европа назовет нас обезьянами. Но мы не будем побеждены.

– Сам Иохитсне (очевидно, Ёсицунэ – В. М.) бывал побежден.

– Но мы не будем.

– Я верю вам на слово. Мы победим. Но после?

– После?

– После боя? После подписания мира? Вы вернетесь, Иорисака, в ваш дом в Токио. Вы принесете туда ваш европейский мозг, ваши идеи, ваши нравы, ваши европейские вкусы. И так как вы будете прославленным героем, японский народ, соблазненный вашим славным примером, станет подражать вашим вкусам, вашим нравам, вашим идеям...

– Нет! – сказал Иорисака» (ДВ. С. 141–142).

В речах маркиза заметно отражение формулы *вакон ёсай*: «японский дух – европейская техника (знание)». Высоко ценивший воинские доблести, Фаррер любит обоими героями и не противопоставляет их друг другу, поскольку теперь оба – в отличие от событий 1877 г. – воюют с одним и тем же врагом, во имя одной родины и императора, одним и тем же «европейским» оружием. Хирата вынес урок из поражения «великого Сайго»: самурайский меч бессилен против картечницы. Симпатизировавшая автору романистка Рашильд (псевдоним Маргариты Эмери) отметила в рецензии на «Битву»: «Существует Япония внешняя, похо-

жая на коллекцию фарфора, но существует и Япония древних традиций, ничего не забывшая из исконных пристрастий. Несмотря на внешнюю европеизацию, никуда не делась Япония, умеющая вспороть себе живот дабы подтвердить свое благородство. <...> В «Битве» новая и древняя Япония смотрят в глаза друг другу»¹².

Фаррер предпочитал аристократию буржуазии, но восхищался не столько «военщиной», сколько героизмом – зная, что его формы многообразны. Узнав о гибели мужа, маркиза Ёрисака «стояла прямая и застывшая, неузнаваемая, непостижимая – азиатка от головы до пяток, настолько азиатка, что даже как-то не замечалась ее европейская одежда» (ДВ. С. 176–177). Она сделала если не героический, то единственно правильный – по японским понятиям – выбор: отправилась в Киото, «чтобы жить в буддистском монастыре дочерей даймё, чтобы жить там под власяницей и умереть достойно» (ДВ. С. 180). Этими словами заканчивается роман, написанный весьма «жестко», в противоположность умильным картинам Лоти. Биограф назвал его «противоположностью „Госпоже Хризантеме“», отметив, что писатель «сторонясь японесок, искал другую Японию» и «вывел на сцену японский национализм»¹³.

«Битва» оказалась если не лучшим, то самым известным и «долгоиграющим» произведением писателя: к 1939 г. она продолжала продаваться по 30 000 экземпляров в год, а совокупный тираж превысил миллион экземпляров; по роману написаны две пьесы (одна самим Фаррером), сделаны три радиопостановки и сняты два фильма, причем второй, показанный в США в 1934 г., стал первой французской картиной, имевшей успех за океаном и конкурировавшей с продукцией Голливуда. С 1919 г. и до наших дней фирма «Gerlain» выпускает духи «Mitsouko», названные в честь маркизы Ёрисака. Роман оказался неподходящим только для японской аудитории: официальному имиджу противоречили и слишком откровенные речи Ёрисака и Хирата, в которых можно усмотреть «азиатское коварство», и слишком вольное поведение Мицуко, готовой после романа с Ферганом сбежать с итальянским аристократом. В предисловии к «исправленному» изданию романа в 1911 г. автор счел нужным объяснить: «Три важнейших японских персонажа – маркиз Ёрисака, маркиза Мицуко и виконт Хирата – в гораздо меньшей степени являются фотографиями, нежели обобщенными портретами всей японской аристократии, для которых отобраны лишь самые важные ее черты. <...> Я уверен, что никакая японская маркиза никогда не допускала интимной близости ни с каким британским офицером и что ни один лейтенант японского флота не вспорот себе живот вечером после

¹² Цит. по: Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 74.

¹³ Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 75.

славной победы 27 мая 1905 года»¹⁴. Интересующиеся могли прочитать «Битву» в оригинале, но, насколько удалось установить, единственный японский перевод вышел только в 1991 г., небольшим тиражом в маленьком провинциальном издательстве¹⁵, и никакого резонанса не получил. В японской Википедии есть статьи «Битва» (о романе) и «Мицуко» о марке духов, где указано, в честь кого они названы, но нет статьи «Клод Фаррер».

Анализ «Битвы» необходим для понимания позднейших взглядов Фаррера на Японию и оценок ее политики. Он трезво смотрел на очаровавшую его страну и верно понимал мотивы, которыми руководствовалась ее элита. Тем интереснее его эволюция в сторону неkritического японофильства и видения политики Токио через «розовые очки» в 1920-е и особенно в 1930-е годы.

Писатель вернулся к японской тематике в 1923 г. в цикле лекций о своих путешествиях, составивших книгу «Прогулка по Дальнему Востоку». Глава «Древняя Япония» дает общий очерк ее истории – от мифов и происхождения японцев (Фаррер вел его от населения Океании) до «черных кораблей» Перри. Особое внимание он уделил «бусидо, японскому кодексу чести»: подобие «нашего (западноевропейского – В.М.) рыцарского кодекса, но более долговечное, более абсолютное и, несомненно, более цивилизованное». «С XIII в. он не менялся и правит в Японии до наших дней», – уверял оратор (MV. P. 238–239). Глава «Современная Япония» началась с восторженных воспоминаний о посещении этой страны, которую лектор назвал «землей обетованной». Он восторгался всем: пейзажами, красотой, превосходящей Лазурный берег, элегантностью и изяществом быта и вещей, чистотой города и домов (нетипично для тогдашней Азии, знакомой рассказчику), трудолюбием взрослых, жизнерадостностью детей и даже тем, что «в японском языке нет ни одного оскорбительного слова» (MV. P. 255). Рассказывая о Никко, где он не был, Фаррер пространно цитировал «Осенние японески» Лоти.

«Настанет день, когда Япония сможет говорить с Соединенными Штатами на равных. – утверждал он. – Америка потеряет главное преимущество – численное превосходство. А у Японии, которой слишком тесно на ее островах, появится необходимость выйти за их пределы» (MV. P. 279, 281). «На Тихом океане – возможном поле будущей битвы – наши интересы весьма невелики, и мы, уверен, будем нейтральны в конфликтах, которые там случатся. <...> В решающий час наши симпатии могут быть на стороне Империи восходящего солнца, которой я сегодня предсказываю блестящую победу!» (MV. P. 284). Последние сло-

¹⁴ Цит. по: 1905. *Autour de Tsoushima*. P. 779. В использованном мной русском переводе это предисловие отсутствует.

¹⁵ Перевод *Ногуты Сэити* Куродо Фарэру. Сэнтэ (Битва). Фукуока, 1991.

ва, которыми завершается вся книга, – ключ к пониманию оценок японской политики в выступлениях Фаррера 1930-х годов.

Публицистика писателя на темы мировой, в том числе азиатской политики не переиздавалась, не переводилась на иностранные языки и почти не изучалась, что делает ее перспективным объектом исследования. Ее следует рассматривать в общем контексте политических взглядов автора, которые на рубеже 1920–1930-х претерпели изменения. Фаррер всегда был ярким патриотом, считая Францию «страной вкуса и порядка», а французов – «самым чувствительным, самым художественно одаренным и самым умным народом»¹⁶. При этом он был чужд расизма: «Я не из тех, кто считает белых единственными цивилизованными людьми на земле»¹⁷. Из описателя – и нередко критика – французской колониальной политики Фаррер, начиная с романа «Новые люди» (1922), стал ее апологетом. «Здесь перед читателем проходит старательно отобранная галерея мудрых администраторов, предприимчивых, талантливых и честных дельцов, относящихся к эксплуатации колониальных стран как к некоему общественному служению. <...> Киплинг умел не быть лубочным и примитивным, «преображая» колониальную действительность. У Фаррера она отлакирована настолько наивно и грубо, благополучие и добродетели, расписанные в «Новых людях», настолько очевидно выдуманы, что <...> оказываются за пределами и реализма, и какой бы то ни было художественности»¹⁸.

Приведенное мнение советского критика в целом верно, но Фаррер не столько приукрашивал реальную действительность, сколько дидактически конструировал – поэтому уместно предпринятое Рыковой сравнение со вторым томом «Мертвых душ» – идеальный образ «мирного и патерналистского колониализма»¹⁹. Эту мысль развил один из героев романа «Девушка путешествовала» (1925): «Наш французский мир, который мы дали всем нашим колониям, основан – и будем горды этим! – на справедливости, на равенстве, на свободном сотрудничестве переселенцев и местных. Мы не начинали с того, что всех перебили (намек на англичан – В. М.). Напротив, мы помогали жить. А это не такое простое дело, как кажется на первый взгляд»²⁰. Даже после Второй мировой войны Фаррер напоминал: «Мы принесли мир в Индокитай и цивилизовали его»²¹. Понятно, что японская колониальная политика – какой она демонстрировалась миру – получила у него полное одобрение.

¹⁶ Цит. по: Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 275.

¹⁷ Цит. по: Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 283.

¹⁸ Рыкова Н. Современная французская литература. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 123–124.

¹⁹ Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 284.

²⁰ Цит. по: Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 285.

²¹ Claude Farrère Souvenirs. Paris: Arthème Fayard, 1953. P. 11. Далее сокращенно: S – с указанием страницы в тексте.

Симпатии писателя к действиям Токио подпитывались общей ситуацией в мире. Главной опасностью для европейской цивилизации он считал большевизм – не столько «советский эксперимент», соблазнявший литераторов-некоммунистов, сколько «мировую революцию», особенно в Азии, где революционное движение прямо угрожало интересам Франции в ее колониях. Антикоммунизм Фаррера подпитывался личными мотивами: его жена, актриса Генриэтта Роже до революции играла в Михайловском театре в Петрограде, и у супругов было немало знакомых среди «белых» эмигрантов, включая Шаляпина и Куприна. На склоне лет он писал: «Мы потеряли без возврата несчастную Россию, которая покончила с крепостным правом при цивилизованных и цивилизовавших ее царях, – чтобы оказаться в настоящем рабстве у жестоких господ, уничтоживших все религии и заменивших их террором на псевдонаучной основе» (S. P. 161). Склоняясь к авторитаризму как альтернативе «продажной» буржуазной демократии, с одной стороны, и социализму, с другой, Фаррер одобрял идеи и политику Муссолини, Салазара и Франко (но не Гитлера!). С начала 1930-х годов он поддерживал националистическое и монархическое движение «L'Action Française», заявив, что его идеолог Шарль Моррас «научил меня думать должным образом»²².

Именно «крайне правые», которых представляли «L'Action Française» и ее одноименная газета, оказались наиболее японофильской частью французского общественного мнения 1930-х годов, которое в целом заняло антияпонскую позицию после оккупации Маньчжурии и выхода Японии из Лиги наций. Представители этого лагеря симпатизировали Стране корня солнца по многим причинам: монархия, сакральный характер которой постоянно подчеркивался; усиление консервативных и традиционалистских настроений; подавление «красных» внутри страны и противостояние экспансии СССР и Коминтерна за ее пределами; отсутствие реальных экономических и политических противоречий с Францией. Следует учесть и влияние «жапонизма», пришедшееся на годы детства и юности лидеров и идеологов движения, в жизни которых искусство играло не меньшую роль, чем политика.

Популярный писатель, ставший после избрания в Академию «нотаблем» государственного уровня, Фаррер сотрудничал в журнале «France-Japon» (1934–1940), выпускавшемся при участии японского посольства, выступал с лекциями во Франко-японском обществе в Париже. В публицистической книге «Духовные силы Востока: Индия – Китай – Япония – Турция», вышедшей в апреле 1937 г., т. е. до начала японо-китайской войны, он утверждал, что Тибет, Туркестан, Монголия и Маньчжурия «несколько не являются китайскими» и критиковал «добрых людей из Женевы», т. е. Лигу Наций, за игнорирование этого обстоятельства и «невежество в географии»²³.

²² Цит. по: Weber E. L'Action Française. Paris: Stock, 1964. P. 568.

²³ Claude Farrère. Forces spirituelles de l'Orient: Inde – Chine – Japon – Turquie. Paris: Flammarion, 1937. P. 137–138. Далее сокращенно: FSO – с указанием страницы в тексте.

В «Духовных силах Востока» Фаррер выдвинул парадоксально прозвучавшую для многих мысль о близости «белой» европейской (читай: прежде всего французской) и японской цивилизаций. «На протяжении веков Япония развивалась примерно так же, как мы, как все наши страны. На самом деле я вообще не уверен, что японцы исходно были азиатским народом – они стали им с течением времени» (FSO. P. 143). Аргументация писателя более поэтична, чем исторична, и сосредоточена на том, что предки нынешних японцев пришли на острова с Юга Тихого океана – возможно, «с континента, исчезнувшего подобно Атлантиде» (FSO. P. 145) – и принесли с собой цивилизацию, которой не знали дикое коренное население архипелага, – включая календарь, письменность, мореплавание, воинские доблести и «кодекс чести», роль которых он настоятельно подчеркивал. «Япония всегда была великой страной и знала подлинно великих людей. У нее были свой Ришелье – Нобунага, свой Бонапарт – Хидэёси, свой Людовик XIV – Иэясу. При таком количестве гениев и достижений можно удивляться лишь одному: что Япония раньше не стала столь мощной страной, какой она является сегодня» (FSO. P. 159). Более того, «сегодня Япония является самой великой страной мира, поскольку в результате войны 1914 года только она одна по-настоящему усилилась как морально, так и материально», хотя ей «рано или поздно понадобятся земли для колонизации, а не для завоевания. <...> Я думаю о Калифорнии, об Орегоне, о Вашингтоне (штате Вашингтон – В.М.), о просторах почти пустынной Австралии» (FSO. P. 169, 171). Ничего не скажешь, размышлялся...

Перейдя к «текущему моменту», Фаррер заявил, что «Япония слишком хорошо знает Китай, чтобы понимать, что ничего не выиграет от участия в китайских смутах. Если она пойдет на интервенцию на континенте, то лишь для отпора русскому нашествию, военному или политическому. Я склонен думать, – заключил писатель, – что Япония более всего хочет положить конец китайской анархии – косвенным путем, если получится, или прямым, если потребуется» (FSO. P. 172).

Сказанное отлично соответствовало «генеральной линии» тогдашней пропаганды Токио, поэтому неудивительно, что в конце 1937 г. правительство Японии через МИД Франции официально пригласило его – как «писателя известного своей абсолютной независимостью» – посетить страну и ее колонии. «Я задал всего один вопрос: «Буду ли я свободен, по-настоящему свободен?». Мне это гарантировали – и сдержали слово» (S. P. 268• 269). Второе пребывание в Стране корня солнца – через 38 лет после первого – началось 30 января 1938 г. с торжественной встречи в порту Кобэ. На протяжении всего визита писателя сопровождал молодой дипломат Мацуи, «умница и, несомненно, будущий посол, представитель старинного аристократического рода, чей отец заседал в палате пэров» (S. P. 269). Вероятнее всего, это Мацуи Акира –

послевоенный посол во Франции и представитель в ООН, сын барона Мацуи Кэйсиро, бывшего министра иностранных дел и тоже посла в Париже. Фаррер подарил провожатому самую новую на тот момент из своих книг «Поездка к испанцам (зима 1937)» с надписью «в память чудесных часов в его обществе в Токио, которыми я ему обязан, с живой благодарностью и дружеской симпатией». Однако адресат даже не разрезал книгу – и через семьдесят лет она в первозданном виде оказалась в собрании автора настоящей работы.

Итогом поездки стала книга «Великая драма Азии», написанная во время возвращения домой морем (Фаррер всегда писал быстро). Впечатления от Японии, составившие первую часть книги: кроме Токио, куда он приехал из Кобэ через Осака и Иокогама на лучшем экспрессе тех лет «Цубамэ», автор побывал в Никко, Камакура, Киото, Нара и Симоносэки – оказались яркими, но их умильное изложение не отличается оригинальностью. Писателю понравилось буквально всё, и старинное, и современное. Его официально приняли премьер-министр принц Коноэ Фумимаро и члены его кабинета, среди которых на гостя особое впечатление произвел морской министр адмирал Ёнаи Мицумаса – своей молчаливостью (S. P. 269–270). Беседы с ними, несмотря на сугубо протокольный характер, очаровали честлюбивого гостя. «Почему же часть Европы и прежде всего Англия отказываются понимать нынешнее положение Японии?» – спросил гостя министр иностранных дел Хирота Коки. «Исключительно по неведению, Ваше превосходительство!» – с готовностью ответил тот²⁴. И выразил готовность рассеять это «неведение».

Неожиданным «бонусом» (или все-таки МИД постарался?) оказалась встреча с... Ёрисака, но не из «Битвы», а с «живым, настоящим», как он отрекомендовался романисту. «Когда-то давно вы выбрали для героя своего романа фамилию, звучащую очень по-японски, – сказал ему почтительный незнакомец в столичном отеле «Тэйкоку» («Imperial Hotel»), построенный по проекту Фрэнка Ллойда Райта). – Но знали ли вы, что она существует на самом деле. Так вот, она существует. И от ее имени я пришел поблагодарить за честь, которую вы нам оказали, дав ее в вашей книге настоящему самураю, верным старинной чести. Мы верны ей и всегда будем верны» (GDA. P. 20–21). «Изменилась ли Япония?» – задал себе вопрос сентиментальный вояжер. И сам ответил на него: «Нет, она все та же. Вечная». «Новая снаружи, вечная внутри» (GDA. P. 42, 48).

Большой интерес представляет вторая часть книги «Китай и Япония в 1938 году», содержащая не только впечатления, но и размышления от увиденного на континенте – автор также посетил Корею и Маньчжоу-го, где его встречали с теми же почестями и вниманием. В Маньчжоу-го

²⁴ Claude Farrère. Le grand drame de l'Asie. Paris: Flammarion, 1938. P. 31. Далее сокращенно: GDA – с указанием страницы в тексте.

один японец умно польстил гостю, сказав, что его соотечественники здесь «много изучали методы вашего великого маршала» Юбера Лиотэ (GDA. P. 76–77), «вице-короля» Марокко и знакомого Фаррера, который написал о нем апологетическую книгу. Результаты колониальной политики Токио вызвали его восхищение: «Благодаря японцам, Корея стала богатой и плодородной. Ее поля возделаны. Сеть шоссе и железных дорог целиком покрыла ее. Порты Пусан и Чемульпо безукоризненно оснащены. Те же успехи в Маньчжурии, при том что здесь японцы обосновались только лет семь тому назад» (GDA. P. 105).

Писатель построил анализ ситуации на противопоставлении не только «сильной», но и «молодой», несмотря на древность, Японии – и не просто «старого», но «дряхлого» Китая, в котором «увы, ничего не изменилось» (GDA. P. 106). Эту мысль он развил в книге «Европа в Азии» (1939): «Китай так и остался старым Китаем, а Япония с помощью уникального энергичного усилия стала новой Японией»²⁵. Китайские «режимы» Фаррер назвал «преступными организациями», действия которых «Европа просто не может вообразить», а о Чан Кайши насмешливо заметил, что «его еще называют генералиссимусом» (GDA. P. 108–109). Целиком и полностью одобивший японскую вооруженную экспансию за пределами Маньчжурии – слово «агрессия» он использовал только применительно к СССР, – гость из Франции заявил: «Да, японцы в Китае. Но не как завоеватели, а как организаторы и блюстители порядка» (GDA. P. 122).

Особое внимание писатель уделил советскому фактору дальневосточного конфликта. «Япония ничего не хочет от Китая, а Китай не знает, чего хочет, от Японии. Ситуация необъяснима, если не помнить, что за ее кулисами – Москва. А она там. <...> Если Япония сегодня и борется в Китае, то не против Китая и уж тем более не против китайцев. Она борется против коммунизма. Она борется за порядок и цивилизацию, против московского порабощения. Она делает это не только из альтруизма и ради всеобщего благополучия. Япония – страна порядка, страна высокой культуры и социального мира – не может терпеть распространение у своих границ кремлевского варварства. <...> Москва для Японии, – заключил он с пафосом, – не только хаос, революция и распад общества, как для Берлина, Лондона или Парижа. Москва для Японии – это пожар, разрушение, руины, это горы трупов на улицах всех ее городов и деревень» (GDA. P. 115, 113–114, 117). Теперь писатель назвал «русских» «чистыми азиатами» (GDA. P. 141). Что сказал бы об этом его друг Шалапин?

Пламенный призыв Фаррера к франко-японскому союзу на основании «внутренней близости» не произвел впечатления на его родине. Прочитав

²⁵ Claude Farrère. *L'Europe en Asie*. Paris: Flammarion, 1939. P. 37. Далее сокращенно: EEA – с указанием страницы в тексте.

посланную ему «Великую драму Азии» маршал Филипп Петэн скептически о трудности «из sentimentalного плана в политический»²⁶. Изменения в мировой политике также не располагали французов к прояпонской риторике. В июле 1939 г. писатель закончил небольшую книгу «Европа в Азии», которую издатели не хотели печатать из-за похвал Токио – потенциальному союзнику Берлина – и критики в адрес Москвы. Она увидела свет лишь в октябре, после «пакта Молотова-Риббентропа» и ухудшения франко-советских отношений. Здесь автор окончательно сформулировал свое видение Японии как «Дальнего Запада».

«Японцы ни в коей мере не являются восточным народом. Их история и национальный характер связывают их с Европой и Америкой, даже с Океанией, но никак не с Азией, хотя живя на краю Азии добрых двадцать столетий, японцы стали физически походить на азиатов. В любом случае сходство это внешнее. В моральном отношении японец куда ближе к французу, чем русский, венгр или даже немец. <...> Вся история Японии – это история Дальнего Запада. <...> Вся современная история Японии кажется копией современной истории Франции или Англии. <...> Но ей не нужно было имитировать Европу: японец – европеец по инстинктам и, может быть, про происхождению» (ЕЕА. Р. 8, 56). Согласно Фарреру, французов и японцев особенно сближают «национальное чувство и патриотическое воодушевление» (ЕЕА. Р. 36). Призывы к актуальной франко-японской дружбе пришлось поумерить, но автор и здесь не забыл подчеркнуть, что действия Японии на Дальнем Востоке – это «борьба порядка против хаоса, борьба западной цивилизации против анархии большевизма и Востока» (ЕЕА. Р. 98).

Анализ образа Китая и китайцев у Фаррера не входит в задачу настоящей работы, но совсем обойтись без него нельзя. В «Европе в Азии» писатель высказался наиболее резко: «Главной ошибкой правительств и дипломатов Европы, Америки и даже Японии было то, что они принимали китайцев за таких же людей, каковы они сами. Это огромная ошибка, потому что китайцы решительно отличаются от остальных людей. Это не значит, что они выше остальных, или, напротив, ниже. Они другие – и всё тут» (ЕЕА. Р. 19).

В художественной форме утверждения, изложенные в этой книге, воплотились в романе «Одиннадцатый час», работу над которым писатель начал на обратном пути из Японии весной 1938 г. и закончил в канун новой войны в Европе в августе 1939 г.; книга была дозволена военной цензурой в феврале 1940 г. и вышла месяцем позже. «Ни Европа, ни Япония не понимают той многоликой Азии, которой является Китай.

²⁶ Цит. по: Quella-Villegier A. Le Cas Farrère. P. 336.

Японцы – народ не Дальнего Востока, но Дальнего Запада»²⁷. «Сегодняшнюю Японию» автор характеризовал словами: «Франция, но более дисциплинированная; Англия, но менее иерархичная; Италия, отказавшаяся быть тоталитарной и германизированной» (ОН. Р. 274). Главные положительные герои – японский дипломат Ацуда Киемори и его свояк полковник Нагаока Акира – носители «самурайского духа, который является западным, а не восточным» (ОН. Р. 127).

В основу сюжета романа, действие которого происходит в Китае весной 1936 г., положен Сианьский инцидент 12 декабря 1936 г. – арест Чан Кайши бывшим правителем Маньчжурии «молодым маршалом» Чжан Сюэляном и генералом Ян Хучэном, которые хотели принудить главу Гоминьдана прекратить гражданскую войну и вступить в «единый фронт» с коммунистами против японцев. Автор обратил внимание читателя на разницу дат и подчеркнул, что его книга – «роман, а никоим образом не романизированная история» (ОН. Р. 117). Однако в европеизированном диктаторе Сунь Човэе узнается Чан Кайши, как Чжан Сюэлян – в коварном и жестоком «маршале» из бандитов Кун Вэнчуне. Если первый показан как воин и человек чести, вызывающий уважение у японцев, то второму – марионетке в руках загадочной и всемогущей московской эмиссарши Дарьи Сергеевой – автор щедро придал все негативные черты. Добавлю, что французские офицеры и дипломаты в романе помогают японцам, с которыми у них полное взаимопонимание.

Основной, «авантюрной» части этого затянутого и избыточного описаниями и диалогами повествования предшествуют сцены токийской жизни – целая глава изображает спектакль в театре Кабуки, чего развитие сюжета в общем не требует. Создается впечатление, что Фаррер хотел максимально использовать свежие впечатления. В условиях войны и поражения Франции роман прошел практически незамеченным. Больше к теме Японии писатель не обращался.

Клод Фаррер умер 21 июня 1957 г. в возрасте 81 года, пережив свою славу. «С его смертью отошло в прошлое целое литературное поколение», – таков был лейтмотив вежливых некрологов²⁸. Однако среди провожавших писателя в последний путь был японский посол.

²⁷ Claude Farrère. *La onzième heure*. Paris: Flammarion, 1940. P. 127. Далее сокращенно: ОН – с указанием страницы в тексте.

²⁸ Цит. по: Quella-Villegier A. *Le Cas Farrère*. P. 395.